



## Рациональные приемы обучения и воспитания краткосрочного солдата, а также ближайшего его начальника <sup>1)</sup>.

**В** период обучения молодых солдат идет у нас бойко, бойцы иногда, чем это полезно для сил и нервов учителей и учеников; молодежь увлекается делом, работают много и в общем весьма толково, хотя и тут следовало бы кое-что подвергнуть пересмотру, о чем речь будет ниже. Но дальнейшее совершенствование бойца оставляет желать многого. Самое важное, это повторение пройденного с людьми последнего призыва, ибо все усвоенное ими в первые 4, и то не полных месяца, а в особенности «словесность», весьма скоро испаряется, если не позаботиться об укреплении знаний, не только с осени будущего года, но уже летом, после окончания курса стрельбы и ротных или эскадронных учений, когда прогульного времени достаточно. В особенности надо позаняться с разными отставшими почему-либо и не попавшими, может быть, на весенний смотр, а их наберется в каждой роты или каждом эскадроне навёрное несколько человек. Если откладывать это дело до осени, где они попадут «в общую кучу» и им будут предлагаться вопросы на совместных с 50-ю или 60-ю людьми последнего призыва занятиях, то нельзя предвидеть хорошего результата работы. Они тогда будут ходить по крайней мере че-

<sup>1)</sup> См. № 1 «Воен. Сб.»

резь день въ разные наряды и толку будетъ мало. Вопросы будутъ доходить до нихъ въ слишкомъ ограниченномъ числѣ, очередь отвѣта будетъ черезчуръ рѣдкая, они задержатъ лишь общую массу, а сами останутся невѣждами, ибо вопросъ можетъ, какъ я высчиталъ, задаваться человѣку не чаще, какъ разъ въ 6 недѣль, а изъ отвѣтовъ другихъ «отставшій» выносить мало пользы; наоборотъ, они порождаютъ у него очень часто сумбуръ въ головѣ.

Нужно непременно составить уже въ іюнѣ или въ іюлѣ въ каждомъ эскадронѣ команду отставшихъ или слабыхъ (на западѣ и югѣ лучшее для этого время—травяной періодъ). Ее можно поручить ловкому и терпѣливому унтеръ-офицеру, за которымъ пусть присматриваетъ одинъ изъ любящихъ дѣло способный офицеръ, подъ контролемъ командира эскадрона. Гдѣ это дѣлается, тамъ умственное развитіе не оставляетъ желать лучшаго. Надо съ такой командою отставшихъ заниматься все лѣто *ежедневно* всѣмъ тѣмъ, чему обучали зимою, а главнымъ образомъ повѣрять свѣдѣнія, обязательныя для рядового, хотя бы въ нѣсколько меньшемъ объемѣ. Надо добиваться усвоенія по крайней мѣрѣ самаго главнаго, самаго важнаго, иначе эти люди останутся на всю службу мужиками, дикими людьми, но не будутъ солдатами. Каждому строевому офицеру хорошо знакомъ этотъ типъ людей. Остальные «молодые» должны тоже привлекаться на занятія по умственному развитію въ лагерѣ, хотя бы 2—3 раза въ недѣлю. Это отдѣленіе слабыхъ отъ прочихъ, а людей послѣдняго призыва отъ остальныхъ, необходимо; въ этомъ вся суть, весь залогъ успѣха, но это не вездѣ соблюдается. Лучшие люди не пропадутъ и безъ такого повторительнаго курса, да они, вѣроятно, поступятъ въ команды: учебную и развѣдчиковъ; «средніе» требуютъ уже репетиціи лѣтомъ того, что слишкомъ поспѣшно пройдено было зимою, а слабые и отставшіе (долго болѣвшіе) нуждаются въ такомъ повтореніи гораздо больше, ибо многое явится для нихъ на этихъ репетиціяхъ совершенно новымъ дѣломъ. Вездѣ ли, однако, собираются лѣтомъ въ лагерѣ такія команды отставшихъ? Всѣ ли начальники повѣряютъ веденіе тамъ именно этихъ занятій? Если бы это имѣло мѣсто, то не было бы вездѣ такой массы отставшихъ, слабыхъ по строю и теоріи, людей безъ всякой выправки, такого огромнаго числа нижнихъ чиновъ, не имѣющихъ понятія о своихъ обязанностяхъ и правахъ и не могущихъ уже никакимъ образомъ наверстать потеряннаго въ первый годъ времени. Въ каждомъ эскадронѣ или ротѣ есть вѣдь нѣсколько человѣкъ, которыхъ куда нельзя по-

слать, никуда «приткнуть», и которые не годятся ни на какую строевую или нестроевую должность, которыхъ взводный прямо боится выпустить за ворота и все это потому, что ихъ въ первый годъ почему-либо не доучили. Вообще обученіе и воспитаніе солдата какъ бы исчерпывается временемъ новобранческаго періода. Потомъ «полируютъ», и то весьма немного и больше теоретически, людей, поступившихъ въ учебную команду, пожалуй, и развѣдчиковъ, а остальные «дозрѣваютъ» сами, какъ при прежнихъ длинныхъ срокахъ службы.

Надо, принимая во вниманіе короткій срокъ нахождения людей на дѣйствительной службѣ, измѣнить вообще, хотя бы до извѣстной степени, нѣсколько обветшалый методъ обученія и повѣрки. Необходимо, какъ я уже писалъ объ этомъ въ одной моей работѣ, носящей заглавіе «Полевая дисциплина», приучать молодыхъ солдатъ наблюдать за чѣмъ-нибудь и отдавать объ этомъ простой отчетъ, а также давать имъ различныя несложныя порученія. Еще въ бытность мою молодымъ офицеромъ это требовалось и мы это продѣлывали съ успѣхомъ. Посылали людей на сосѣдніе дворы, плацы, заставляли считать дома на какой-нибудь улицѣ, число оконъ въ извѣстномъ зданіи, запоминать, кто проходилъ мимо воротъ и т. д. Отправляли мы, офицеры, ихъ и другъ къ другу съ порученіемъ передать что-нибудь на словахъ; вѣрность передачи товарищъ повѣрялъ по доставляемой ему одновременно запискѣ, а если передающій былъ грамотнымъ, то таковая пересылалась въ запечатанномъ конвертѣ.

Не сомнѣваюсь въ томъ, что иной бойкій молодой офицеръ продѣлываетъ что-нибудь въ этомъ родѣ и теперь, *но ни въ нашихъ, ни въ иностранныхъ, инструкціяхъ и положеніяхъ объ этомъ не говорится ни слова, на смотряхъ и повѣркахъ этого не показываютъ, ни въ одномъ приказѣ о такомъ способѣ повѣрки я не видѣлъ за мою многолѣтнюю службу ни слова*, а потому врядъ-ли станутъ «терять» на это много времени, рискуя недодѣлать что-нибудь другое, за что будетъ масса упрековъ. *Чего не провѣряютъ на смотряхъ, тому не учатъ, это старая военная истина.* Только «наилучшіе», «настоящіе фанатики своего дѣла» (ихъ въ общемъ не любятъ), прибѣгаютъ къ этимъ приемамъ. Потомъ на маневрахъ подавай сразу: и наблюдательность, и сообразительность, и инициативу, и энергію, и умѣніе взять подъ свое начальство отбившихся отъ какого-нибудь развѣзда или дозора 3-хъ или 4-хъ человѣкъ, распорядясь ими умѣло для пользы общаго

дѣла, не пугаясь и отвѣтственности за проявленіе подобной инициативы! *Да идѣ, когда, какими упражненіями развивали эти качества? Кто ихъ требовалъ? На какомъ смотрѣ они провѣрялись?* Не строевыми же проѣздками съ высылкою мѣръ охраненія отъ завѣдомо не грозящей опасности, не занятіями на планахъ или съемками, не пѣшимъ вѣдь строемъ и военными прогулками по дорогамъ съ подсчитываніемъ: «разъ, два, лѣвой, правой» можно выработать въ солдатъ упомянутыя качества и обезпечить себя смышленнымъ служакою! Что прежде созрѣвало какъ бы само, вслѣдствіе длинныхъ сроковъ и продолжительной практики, вырабатывающей характеръ и смышленность, то теперь надо «создавать искусственно» новыми, рациональными приемами обученія и воспитанія.

Необходимость оторваться иной разъ уже и зимою отъ казарменнаго двора, манежа, экзерциргауза, сознается, правда, многими высшими начальниками давно; монотонность зимнихъ прогулокъ по дорогамъ они тоже признаютъ и объявляютъ объ этомъ въ руководящихъ приказахъ, но большинство низшихъ инстанцій смѣшиваетъ и по сей день: *систематическое обученіе дѣйствию на мѣстности одиночнаго человѣка, отдѣленія, смѣны или взвода и подготовку къ такому дѣйствию, съ производствомъ сразу крупнымъ частямъ строевыхъ учений, совершеніемъ ими зимнихъ маневровъ при половинѣ необученныхъ своему дѣлу людей.* Это приносить не пользу, а вредъ и порождаетъ у молодыхъ солдатъ сумбуръ въ головѣ. Въ маневрахъ, какъ зимнихъ, такъ и лѣтнихъ, недостатка давно у насъ нѣтъ, но рациональная подготовка къ нимъ одиночнаго человѣка почти что отсутствуетъ, ибо ограничивается она въ большинствѣ случаевъ одной теоріей.

Въ новомъ положеніи объ обученіи пѣхоты на это обращено вниманіе и успѣхи теперь появятся—это несомнѣнно.

Г. Лешъ систематизировалъ, правда, эти занятія весьма строго и изложилъ годъ тому назадъ свой методъ обученія въ отдѣльной брошюрѣ, которая стала за послѣднее время очень популярной въ пѣхотѣ, но все-таки дѣло это шагаетъ слишкомъ тихо впередъ. Что касается кавалеріи, то слабая моя попытка подвинуть эту отрасль службы изданіемъ 25 лѣтъ тому назадъ «*Руководства для систематическаго обученія кавалериста и его коня одиночной полевой ѣздѣ и подготовки обоихъ къ полевой службѣ*», принесла, можетъ быть, нѣкоторую пользу, но въ общемъ тоже мало подвинула дѣло. Книга эта выдержала тѣмъ не менѣе два изданія и давно

распродана, но смѣны наши ѣздятъ по мѣстности мало, а если ихъ выводить на улицы, то не иначе, какъ строемъ, «по три», что не вырабатываетъ полевого дѣятеля, полевого ѣздока.

Подготовка для поля хромаетъ по сей день вездѣ, а вѣдь можно положить этому дѣлу прочный фундаментъ уже въ казармахъ, если не ограничиваться «зубрежомъ», а развивать человѣка систематически; но на это не обращается во время смотровъ надлежащаго вниманія. Кому, напримѣръ, не случалось получать и вскрывать второпяхъ адресованные въ другую часть конверты? Сколько пакетовъ засылается Богъ вѣсть куда? Многіе ли вѣстовые сортируютъ конверты по адресамъ? Не случалось ли вамъ получать разсылной книги съ десяткомъ пакетовъ, изъ числа которыхъ вамъ предоставлялось разыскать и взять оттуда собственноручно адресованный въ вашъ полкъ или на ваше имя? Такъ поступаетъ большинство вѣстовыхъ, хотя бы они были грамотны, ибо никто ихъ не знакомилъ съ этою важною обязанностью. Многіе отдають именныя конверты въ полковую канцелярію, а адресованные «командиру» (безъ фамиліи) несутъ къ нему на квартиру, звоня туда, хотя бы въ срединѣ ночи и т. д. О передачѣ словесныхъ приказаній уже не упоминаю, а о случаяхъ, гдѣ требуется отъ нижняго чина какая-нибудь инициатива, умалчиваю совсѣмъ. Не касаюсь и случаевъ, гдѣ часовой у квартиры командира полка (т. е. у знамени или штандарта), не захотѣлъ допустить входа въ подъѣздъ пріѣхавшихъ съ визитомъ, не впустилъ даже самого командира въ свою квартиру безъ разрѣшенія разводящаго и т. п.

Весьма полезно пріучать молодыхъ солдатъ, уже начиная со 2-й недѣли, водить смѣны на «мнимыя посты», выставять часовыхъ и самимъ становиться на эти посты, имѣя что-нибудь подъ сдачей и охранять эту сдачу, на которую нужно организовать и «примѣрныя нападенія». Полезно заставлятъ ихъ командовать своими товарищами поочереды и продѣлывать легкое пѣшее или конное ученіе шеренгъ, впоследствии взводу, даже эскадрону, отозвавъ, конечно, въ сторону унтеръ-офицеровъ и ефрейторовъ. Надо требовать, чтобы вызванные для командованія дѣлали, не стѣсняясь, поправки и замѣчанія. Не слѣдуетъ, понятно, надѣяться, что такой способъ принесетъ обучаемымъ пользу или что изъ него выйдетъ какой-нибудь толкъ; этой цѣлью не надо вовсе задаваться. Цѣль здѣсь совершенно иная, а именно: дать развернуться, расходиться такому парню, положить начало къ покоренію въ немъ вялости, застѣнчивости, беспомощности, тупости, неуклюжести, забитости

(которыя онъ приносить съ собой изъ дома); развить въ немъ смѣлость, энергію, способность къ самостоятельной работѣ; выработать въ немъ инициативу и добиться пониманія легкихъ строевыхъ эволюцій: однимъ словомъ, готовить будущаго старшаго, будущаго начальника, пріучающагося вѣрить въ свои силы. По крайней мѣрѣ при такой системѣ можно наилучшимъ образомъ намѣчать будущаго унтеръ-офицера. *Но это рѣдко, идѣть провѣряется на смотру, а какъ оно важно!* Послѣ 2-хъ или 3-хъ недѣль подобныхъ упражненій, люди дѣлаются неузнаваемы: они и обучаемые ими оживляются, лица сіяютъ, бодрость и веселость появляются во всей командѣ, люди интересуются дѣломъ, лѣзутъ, какъ говорится, изъ кожи, увлекаются ученіемъ; а это во сто разъ лучше постоянной и безсмѣнной опеки, порождающей апатію и вырабатывающей, отличающихся «деревянностью», манекеновъ.

Описываемое похоже, можетъ быть, на игру, но лишь близорукій видитъ въ немъ таковую; всякій же интеллигентный строевикъ сознаетъ пользу такой системы. Она даетъ намъ типъ солдата и начальника изъ нижнихъ чиновъ, который требуется въ нынѣшнее время, она вырабатываетъ ихъ безъ особеннаго труда въ самое короткое время. Она развиваетъ самодѣятельность и примѣнялась, повторяю еще разъ, въ бытность мою еще корнетомъ, лучшими нашими строевиками, но потомъ о ней, какъ-то, забыли оттого, вѣроятно, что сроки службы все сокращались, программа обученія все увеличивалась, *а домашніе смотры остались и остаются кое-гдѣ и нынѣ при старомъ, привычномъ способѣ повторки, унаследованномъ отъ времени длинныхъ сроковъ службы.* Про эту систему обученія нынѣ что-то мало слышно. Мы любимъ «учить», «обучать», но не любимъ «практиковать» людей въ данной отрасли; мы «обучаемъ», на примѣръ, полевой службѣ, но не желаемъ практиковать людей въ оной или хотя бы продѣлывать такія упражненія, которыя создаютъ какъ бы механически будущаго полевого дѣятеля. Это равносильно желанію учиться ходьбѣ, но не пробовать ходить, или попыткѣ выучиться сперва плаванію, а потомъ только согласиться лѣзть въ воду. Это грубая ошибка, въ которую впадаютъ, правда, всѣ культурные народы.

Болѣе близкіе къ природѣ предки наши были какъ-бы застрахованы отъ этого заблужденія и они вырабатывали, правда, при болѣе длинныхъ срокахъ службы и частыхъ войнахъ, полевого дѣятеля путемъ практики легче, скорѣе, чѣмъ мы нашими лекціями, рѣшеніями задачъ на планахъ, учебниками и различными

пособіями, не могущими замѣнить полевой практики. Ибсенъ сказалъ гдѣ-то, что «у человѣка, приобщающагося къ цивилизаціи, *инстинктъ ослабѣваетъ*, за то развивается способность *логическаго мышленія*»; и что «человѣкъ совершенный перестаетъ быть произведеніемъ природы, а становится продуктомъ искусства». Если это такъ, то приходится, съ военной точки зрѣнія, сожалѣть объ этомъ, ибо остатки инстинкта дикихъ людей или хотя бы «не зараженныхъ цивилизаціей» очень цѣнны для насъ, военныхъ. Эти «остатки инстинкта», встрѣчаются еще, слава Богу, у деревенскихъ жителей; они присущи главнымъ образомъ уроженцамъ лѣсныхъ пространствъ, глухихъ мѣстъ, просторныхъ степей (и въ этомъ у насъ огромный плюсъ по сравненію съ Западомъ). Городскіе жители не обладаютъ этимъ драгоцѣннымъ для войны качествомъ, которое надлежало бы культивировать и развивать искусственно, ибо въ полевой службѣ, въ ночномъ бою и вообще въ военномъ дѣлѣ, его надо цѣнить на вѣсъ золота. Способность логическаго мышленія цѣнна, понятно, и въ военномъ дѣлѣ, но излишекъ этой способности развиваетъ наклонность къ «критиканству и резонерству», привязанность къ нѣкоторому комфорту и уменьшаетъ воинственность населенія. Съ одной стороны, значить, развивай человѣка умственно, цѣни интеллигентность, образованіе и техническія усовершенствованія, обучай чтенію карты и ориентировкѣ по ней, ибо все это нужно, важно, необходимо въ современной войнѣ; съ другой—старайся сохранить инстинктъ человѣка, близкаго къ природѣ, его нетребовательность, закаленность, неутомимость, «мужичью логику», его острый слухъ и зрѣніе, его способность ориентироваться на мѣстности днемъ и ночью, умѣй намѣтить въ короткій срокъ такихъ людей, двигай ихъ впередъ по службѣ, нашивай имъ, не гоняясь «за грамотностью», галуны: *вотъ задача, далеко не легкая, которая возлагается нынѣ на офицера-учителя, офицера-воспитателя!* Пересолишь въ ту или другую сторону, заплатишься за этотъ грѣхъ и, быть можетъ, сильно!

Выше уже сказано, что примѣняютъ рациональные приемы обученія и воспитанія лишь увлекающіеся своимъ дѣломъ молодые люди, и такіе есть, слава Богу, въ изобиліи, но система нашихъ смотровъ не развиваетъ въ нихъ этой страсти, а притупляетъ ее. Экзаменуя даже солдата, а тѣмъ болѣе унтеръ-офицера, мы гоняемся за гладкими отвѣтами, за знаніемъ, за какой-то «ученостью», провѣряемъ людей почти исключительно въ классѣ, точно

они въ высшемъ учебномъ заведеніи: теорія буквально, заѣлана съ, а практическихъ занятій мы не любимъ и сплошь и рядомъ выходимъ на маневры съ неподготовленными для нихъ людьми, для которыхъ все новость.

Повѣрка словесности носитъ зачастую поспѣшный и рутинный характеръ. Въ каждомъ эскадронѣ или ротѣ спрашиваютъ обыкновенно нѣсколько человекъ наугадъ, какъ попало. Могли спросить худшихъ, могли спросить и лучшихъ (всѣхъ вѣдь не проверишь!), могли спросить болѣвшаго или вернувшагося наканунѣ изъ госпиталя, а то и прибывшаго съ опозданіемъ на службу. О случаяхъ, описанныхъ въ свое время Бутовскимъ, когда какой-то усердный дядька отправилъ въ день смотра двухъ слабыхъ по словесности нижнихъ чиновъ въ пріемный покой, «сз приказаніемъ жаловаться на животъ», уже не упоминаю. Въ одномъ эскадронѣ отвѣчалъ интеллигентный и образованный человекъ или хотя бы весьма развитой парень, въ другомъ неграмотный инородецъ или тупица въ полномъ значеніи этого слова. Какая, спрашивается, можетъ быть тутъ оцѣнка, какое сравненіе или соревнованіе? Опытный строевикъ сдѣлаетъ не такъ. Онъ навѣрно прикажетъ выбрать въ каждомъ эскадронѣ 5—6 человекъ или больше изъ числа лучшихъ, да и столько же самыхъ худшихъ, предупредивъ, что послѣднихъ онъ будетъ спрашивать легко и снисходительно, но Боже упаси, чтобы онъ, попробовавъ выбрать потомъ самъ, нашелъ *еще худшаго*. Если онъ «строевой дока» и хотя немного фізіономистъ, то, при желаніи, въ большинствѣ случаевъ, ему удастся, по всей вѣроятности, выловить болѣе худшаго, чѣмъ назначенные для экзамена, пока эскадроны не попадутся на этомъ раза два или три.

Кромѣ упомянутыхъ двухъ категорій, надо изъ числа оставшихся выбрать самому нѣсколько человекъ—это будутъ средніе по выучкѣ. Послѣ этого слѣдуетъ предложить въ каждомъ эскадронѣ каждой группѣ вопросы: одинъ и тотъ же вопросъ человеку 1-го, 2-го, 3-го эскадрона и т. д., вызывая его шаговъ на 100 впередъ, а то и въ сосѣднюю комнату, чтобы другіе не знали, что спрашивали и какъ отвѣчали. Оцѣнка, масштабъ ея и слѣдовательно самое сравненіе будутъ тогда болѣе или менѣе вѣрны и справедливы. Кромѣ того, этимъ достигается и другой, гораздо болѣе важный, результатъ: командиры эскадроновъ и младшіе офицеры будутъ знать лю-

дей, какъ слѣдуетъ, ибо иначе они, выбирая ихъ для экзамена, сами себя накажутъ или же поручатъ выборъ вахмистру, взводному, а то будутъ съ ними совѣтоваться въ полголоса и этимъ обнаруживать свою неосвѣдомленность. Этотъ способъ гораздо лучше, чѣмъ нѣсколько «наивная» повѣрка знанія офицеромъ своихъ людей разспросами объ ихъ семейномъ положеніи, о вѣроисповѣданіи, губерніи, знаніи мастерства и т. д.; мнѣ рассказывали, что при такой рутинной повѣркѣ какой то солдатъ молчаливо соглашался на то, что онъ такой то губерніи, иновѣрецъ, имѣетъ двоихъ дѣтей, массу братьевъ, знаетъ сапожное дѣло и владѣетъ десятиною земли—все это для того, очевидно, чтобы не подвести своего офицера, а на самомъ дѣлѣ онъ былъ православный, изъ другой губерніи, несемейный, никакого мастерства не зналъ и не имѣлъ ни клочка земли. Какъ мало знаютъ нашего солдата тѣ, которые проповѣдываютъ такіе кабинетныя приемы повѣрки; да и можно ли требовать зазубриванія семейнаго положенія, мѣста рожденія и т. д.? Къ чему это и что оно докажетъ? Все это теорія, кабинетныя измышленія, незнаніе строя! Удалось ли кому нибудь выучить это и не потерянное ли это время, которое можно употребить съ гораздо большею пользою? Не лучше ли сдѣлать офицеровъ руководителями какъ обученія, такъ и службы и жизни своихъ подчиненныхъ, возлагая низшую техническую работу на унтеръ-офицеровъ и сберегая свои силы и здоровье для самаго важнаго дѣла, которымъ является воспитаніе?

Упомяну еще, что обыкновенно вся повѣрка основывается у насъ на вопросахъ и отвѣтахъ—это наше больное мѣсто. Вопросы и отвѣты, экзамены да баллы, но о практикѣ, объ умѣнии примѣнять выученное въ классѣ, рѣдко кто думаетъ. Кромѣ того, надлежало бы принять за правило, что начальникъ выше командира полка не долженъ задаваться цѣлью «сортировки качествъ баталіоновъ, ротъ, эскадроновъ»; это ни что иное, какъ вторженіе въ сферу дѣятельности младшаго. Высшая инстанція имѣетъ право провѣрять что угодно, но она провѣряетъ не роты и эскадроны, а полкъ и его командира, вызвавъ для испытанія офицеровъ и унтеръ-офицеровъ одной какой нибудь составной части или цѣликомъ: одну или двѣ роты, одинъ или въ крайности два эскадрона. По такой составной части она должна судить: о командирѣ полка, объ его помощникѣ и о состояніи даннаго дѣла въ полку. Обыкновенно же у насъ смотрятъ всѣ роты или эскадроны, выдѣляютъ того или другого изъ ихъ командировъ, много критикуютъ, сортируя ихъ, такъ

сказать, по качеству, а командиръ полка присутствуетъ при этомъ, какъ гость. Онъ тутъ какъ будто ни причесть. Это очевидное вмѣшательство, повторяю еще разъ, въ сферу дѣятельности младшаго и заглупленіе въ командирѣ полка всякой инициативы и желанія направлять данную отрасль службы, въ особенности если, кромѣ строевого лица, принимаетъ участіе въ повѣркѣ и начальникъ штаба (т. е. лицо моложе провѣряемаго); а это бываетъ сплошь и рядомъ. Попытка командира полка регулировать занятія была бы «желаніемъ угодить младшему»—это обидно для самолюбія. «Вы, господа ротные (эскадронные) командиры, знаете лучше меня требованія генерала N и его начальника штаба, на васъ я полагаюсь покажите имъ то, что они требуютъ и такъ, какъ они любятъ (или требуютъ)»—слышно очень часто при вступленіи въ должность новаго лица. А правильно ли и нормально ли это?

Я уже говорилъ въ этой замѣткѣ о приготовительныхъ къ стрѣльбѣ упражненіяхъ; хочу, однако, добавить еще нѣсколько словъ на эту тему. Не буду распространяться объ этомъ широко, ибо въ пѣхотныхъ и стрѣлковыхъ частяхъ есть, само собою разумѣется, гораздо болѣе компетентные въ этомъ вопросѣ люди, чѣмъ я. Не буду говорить о всевозможныхъ приборахъ, которыхъ развелось безчисленное количество; пользу ихъ отнюдь не отвергаю; разберу, однако, вопросъ по своему разумѣнію и радъ буду, если мнѣ докажутъ, что ошибаюсь—готовъ самъ учиться у тѣхъ, которые по этой части специалисты. Хочу подчеркнуть лишь то, что стрѣльбу и обращеніе съ винтовкою пѣхотинца нельзя сравнивать съ отношеніемъ къ нимъ кавалериста. Первый бережетъ винтовку, какъ зѣницу ока, носить ее осторожно, подыскиваетъ ей на ночлегѣ первымъ дѣломъ удобное мѣстечко, гдѣ, вытеревъ тряпкою, ставить чуть-ли не умиляясь. Не то «нашъ конникъ». Она болтается у него за спиною; онъ съ нею вольтижируетъ, а вольтижировка портитъ винтовку страшнымъ образомъ; во время рубки ей попадаютъ удары обухомъ шашки; на ученіи и на походѣ она трется и бьется о другихъ всадниковъ и ихъ амуницію, получая отъ всего перечисленнаго сильныя толчки и удары по самымъ чувствительнымъ ея частямъ. Рѣдкій кавалеристъ не падаетъ, и даже по нѣсколько разъ, съ конемъ на барьерахъ, канавахъ, не застряваетъ въ какомъ нибудь болотѣ и т. д., и меньше всего заботятся о томъ, что винтовка страдаетъ при этомъ больше, чѣмъ конь и всадникъ; по при-

ходъ же на ночлегъ, первое дѣло прискаты мѣсто коню, а то 2-мъ или 3-мъ (офицерскимъ, вахмистерской, конямъ взводныхъ, дежурныхъ и дневальныхъ). Нужно думать объ уходѣ за ними; потому солдатъ отправляется за фуражемъ; принеся его, ведетъ коней на водопой; затѣмъ осматриваетъ подковы, зоветъ кузнеца, подкрѣпляетъ ихъ или перековываетъ расковавшихся. О себѣ и винтовкѣ ему еще не приходится и подумать. Когда кони будутъ осмотрѣны, зачищены, напоены, сыты, когда онъ «разживется», какъ говорятъ, для нихъ соломою, тогда, быть можетъ, онъ вспомнить и о винтовкѣ. Пока же, она стоитъ гдѣ-нибудь въ углу или подъ заборомъ, а обтереть ее послѣ дождя навѣрное позабыли. Хорошо еще, если лошадь не задѣла ее и не наступила на нее, ибо въ темнотѣ и это случается. Въ виду всего перечисленнаго однимъ изъ главныхъ условій мѣткой стрѣльбы—это имѣть хорошаго, знающаго свое дѣло, усерднаго, скажу даже, неутомимаго оружейнаго мастера и не жалѣть денегъ на починку оружія, осматривать и чинить его круглый годъ и имѣть всегда исправнымъ, а не только ко дню осмотра штабъ-офицеромъ, командиремымъ отъ артилерійскаго вѣдомства. Со сбитыми мушками, погнутыми прицѣльными рамками, распатанными или поломанными винтами, не держащимися на мѣстѣ хомутиками, со слѣдами ржавчины въ каналѣ ствола, поцарапаннымъ затворомъ, и Шиллеровскій Вильгельмъ Тель не сбиль бы яблока съ головы сына! <sup>1)</sup>

Повторяю снова, что, если при хорошемъ оружейномъ мастерѣ, который быстро и какъ слѣдуетъ вычинить вамъ всѣ винтовки и пристрѣляетъ ихъ, выѣзжать, какъ это дѣлается очень часто, во время прохожденія курса стрѣльбы до самаго смотра оной, на конныя ученія безъ винтовокъ и сидѣть въ теченіе 2-хъ—3-хъ мѣсяцевъ по полдня на прикладкѣ и прицѣлкѣ, результаты по стрѣльбѣ могутъ быть, въ особенности въ хорошую погоду, отличные,—не спорю; но не есть ли это, однако, своего рода самообманъ? Попробуйте зато проходить или доканчивать курсъ стрѣльбы сейчасъ послѣ маневровъ, поздней осенью, не успѣвъ вычинить винтовокъ, не заниматься прицѣлкою, какъ это иногда бываетъ; да пусть вамъ тогда же сдѣлаютъ на незнакомой мѣстности смотръ стрѣльбы. Въ довершеніе всего зла, если вашъ оружейный мастеръ больной человекъ или лѣнтяй, да хотя бы даже и средней работоспособности человекъ, и если сверху льетъ безпрерыв-

<sup>1)</sup> Въ прежнее время у кавалериста имѣлся чехоль для винтовки и это сохраняло ее, насколько мнѣ помнится, лучше, чѣмъ нынѣ.

ный дождь, сбоку дуетъ холодный осенній вѣтеръ, а подь ногами у людей мѣсиво изъ глины, въ которомъ они вязнутъ до колѣнъ, то изъ вашихъ винтовокъ и призовые стрѣлки съ трудомъ смогли бы съ разстоянія въ 700—800 шаговъ попасть въ двухъэтажный домъ, а не то, что получившіе полгода назадъ впервые въ руки ружье хлѣбопашцы, вынужденные стрѣлять въ головную или движущуюся мишень! А какъ же будетъ на войнѣ? Будемъ ли мы передь сраженіемъ выправлять и чинить прицѣлы и мушки? Станемъ ли заниматься цѣлыми часами прикладкою и неужели же придется за 2-3 недѣли, предшествующія какому-нибудь кровавому авангардному дѣлу, ѣздить, предвидя это дѣло, безъ винтовокъ, отправивъ ихъ, ради сбереженія, къ обозу?

Можетъ быть я нѣсколько и сгустилъ краски, но порядочная доля правды есть въ этомъ перечисленіи условій, при которыхъ кавалеріи приходится стрѣлять, во всякомъ же случаѣ не подлежитъ никакому сомнѣнію, что по результатамъ нашей весенней стрѣлбы и смотровъ ея на стрѣльбищахъ, оборудованныхъ нерѣдко очень изящно и напоминающихъ иной разъ «теннис-грундъ», нельзя дѣлать заключенія объ огневой способности конныхъ частей. На это неоднократно обращалось вниманіе въ приказахъ по округамъ, въ которыхъ рекомендуется производить смотры стрѣлбы не иначе, какъ на незнакомой войскамъ мѣстности. Изъ всего сказаннаго явствуетъ, что наша мѣткая винтовка является въ рукахъ пѣхотинца грознымъ оружіемъ, но нельзя того же сказать про кавалерію. Желательно также согласованіе Наставленія для обученія стрѣлбѣ со строевыми уставами.

По Наставленію 1909 года, составленному по опыту японской войны, *въ курсовой стрѣлбѣ залповъ нѣтъ вовсе*, а стрѣлбы стоя почти-что нѣтъ; въ строевыхъ же уставахъ *залпамъ изъ сомкнутого строя* (потерявшимъ нынѣ, всякое практическое значеніе) и *пальбѣ стоя* отведено слишкомъ много мѣста. Можетъ быть поэтому то залпами, да еще стоя, занимаются слишкомъ много и въ ущербъ одиночной подготовкѣ стрѣлка; и на ученіяхъ и на маневрахъ залповъ слышно много; между тѣмъ во всей Западной Европѣ съ ними почти что покончено разъ навсегда.

Въ кавалеріи, обходя зимою казармы, только и слышно: *пальба, да пальба!* Какъ только бросаютъ этотъ рутинный способъ обученія, стрѣлба части поднимается до неузнаваемости, въ чемъ я убѣдился, имѣя съ этимъ дѣло въ трехъ полкахъ. Во-

обще «огневая способность» конницы, важность которой доказала послѣдняя война, оставляетъ желать многого, *и для поднятія ея было бы хорошо командировать кавалеристовъ въ стрѣлковую школу*. Впрочемъ не въ одной вѣдь стрѣльбѣ дѣло. Умѣніе вести пѣшій бой, примѣняясь къ мѣстности, выбрать мѣсто, дающее обстрѣлъ и закрытіе, столь же важно, а между тѣмъ есть части, которыя еще недавно считали, что коли солдатъ умѣетъ соскочить съ лошади быстро на полевомъ галопѣ и такъ же быстро вспрыгнуть на коня, то этого почти что достаточно. Начальство только это и провѣряло, а потому не задавались цѣлью выучки частей вести пѣшій бой на мѣстности; стрѣлковые ученія были до недавняго времени въ загонѣ, и конница взялась за это дѣло только въ послѣднее время.

Еще одно слово на эту тему: отличное старое средство для обученія стрѣльбѣ—это стрѣльба холостымъ, пружиннымъ и боевымъ патрономъ попеременно. Я его примѣнялъ и рекомендую всякому офицеру, который занимается приготовительными къ стрѣльбѣ упражненіями. Усердная зимняя стрѣльба въ какомъ-нибудь тирѣ, устройство котораго не такъ уже трудно, причемъ надо давать солдату въ руки винтовку, заряженную то пружиннымъ, то холостымъ, то боевымъ патрономъ попеременно, но, очевидно, такъ, чтобы онъ не зналъ, какой положенъ патронъ. Тогда именно увидите лучше всего сильное дерганье за спускъ, морганье глазомъ и разныя гримасы; это почти что единственное радикальное средство отучить кавалериста въ короткое время отъ разныхъ «стрѣлковыхъ пороковъ». Удѣлять на приготовительныя для стрѣльбы упражненія цѣлые дни, какъ дѣлаетъ пѣхота, мы не можемъ. Замѣняйте это «прицѣлкою съ пружиннымъ и боевымъ патрономъ» и результаты будутъ во всякомъ случаѣ очень хороши. Долженъ добавить еще, что упражненія въ глазомѣрномъ опредѣленіи разстояній поставлены недостаточно хорошо въ кавалеріи, да отчасти и въ пѣхотѣ, а это очень важное дѣло.

Всего этого мало, однако. Кто вѣдь портитъ на стрѣльбѣ все дѣло не только въ кавалеріи, но и въ пѣхотѣ? Не молодые солдаты, не слабые стрѣлки, а разныя «мертвыя души», т. е. прикомандированные къ канцеляріямъ, мастерскимъ, офицерскимъ собраніямъ, штабамъ, затѣмъ фельдшерскіе или ветеринарные ученики, пѣвчіе, садовники или огородники, продавцы въ солдатскихъ лавочкахъ, сторожа церквей, манежей, бань, лагерныхъ барачковъ, стрѣльбищъ или военныхъ кладбищъ и т. д., люди, которыхъ командиръ роты

или эскадрона видятъ только въ день стрѣльбы, не знаетъ ихъ даже въ лицо и, если бы не раздаточный списокъ на жалованье, не слышалъ бы, пожалуй, и ихъ фамилій. Вотъ этихъ то и надо привлекать ежедневно и круглый годъ на прикладку и прицѣлку и, чтобы никакой отговорки не могло быть, предоставить имъ являться въ эскадронъ либо въ 7 ч. утра, либо въ 11 час. дня, а не поспѣли или не могли придти въ это время, тогда въ 4 ч. дня или даже, когда свѣтло еще, и въ 7 час. вечера. Одинъ или два-три хорошихъ стрѣлка должны дежурить попеременно въ упомянутые часы въ эскадронѣ у приборовъ, поджидать этихъ «волшебныхъ стрѣлковъ» и заниматься съ ними ежедневно, хотя бы полчаса, прицѣлкою, стрѣльбою дробинками и, гдѣ можно, глазомѣрнымъ опредѣленіемъ разстояній. О неявившихся, безъ увѣдомленія даннаго эскадрона о законной причинѣ, посылаются вечеромъ экстренныя записки прямо командиру полка за подписью хотя бы и дежурнаго по эскадрону или вахмистра. На другое утро пусть въ приказѣ по полку будетъ напечатано: «*Такой-то*, за неявку на прицѣлку на 30 сутокъ подъ арестъ», а если это повторится, то старшій данной команды или лицо, въ чьемъ вѣдѣніи солдатъ находится, привлекается тоже къ отвѣтственности, отговорокъ не слѣдуетъ допускать. Если посланный на прицѣлку уходилъ куда-нибудь, гулялъ, вмѣсто явки въ эскадронъ, куда его на самомъ дѣлѣ отправили, пусть водятъ его туда хотя бы подъ конвоемъ, это ихъ дѣло. Въ штабы, не высылающіе людей на прицѣлку, надо писать энергичныя бумаги, предъявляя копіи ихъ на смотрахъ стрѣльбы инспектирующему. И пойдетъ стрѣльба уже не та! А если не сумѣтъ привлечь всѣ эти мертвыя души на приготовительныя занятія, то ничего не выйдетъ. Не помогутъ тогда и приборы, и тиры, и второе большій, чѣмъ нынѣ, отпускъ патроновъ, не поможетъ и наилучшій изъ оружейныхъ мастеровъ.

*Ж. Вольфъ.*

